

Эти слова только усилили печаль Янь-нян. А Ли встал, заслонил ее и, похлопав Хуа Чжаошуй по плечу, сказал:

— Пойдем, посмотрим, как ты стреляешь. Сможешь подстрелить пролетающего гуся?

Хуа Чжаошуй хотел оглянуться, но А Ли сказал:

— Не беспокойся, ей нужно немного времени, чтобы успокоиться.

Не дав ему опомниться, А Ли добавил:

— Покажи мне все, чему ты научился. Если ты действительно готов, завтра возьму тебя на охоту.

Хуа Чжаошуй радостно воскликнул:

— Правда? Папа, ты ведь не шутишь?

— Конечно, не шучу.

Хуа Чжаошуй натянул тетиву, прицелился в мишень на заднем дворе и, думая о том, что скоро пойдет на охоту с отцом, был на седьмом небе от счастья. А Ли же был рассеян. Он сказал, что есть выход, но на самом деле не знал, что можно сделать. Обычные люди могут справиться только с себе подобными, но когда дело касается духов, демонов или даже чего-то странного и нечеловеческого, они бессильны.

А Ли поправил его локоть и, словно невзначай, спросил:

— Хуа Чжаошуй, ты знаешь о том странном человеке из западного пригорода?

Хуа Чжаошуй кивнул:

— Да, но я не совсем верю, что это он помог нам избавиться от злых духов. Может, это он и был тем демоном, который вырезал сердца?

Пока он говорил, его стрела вылетела из лука и попала точно в цель.

Хуа Чжаошуй радостно воскликнул:

— Папа! Теперь я могу пойти с тобой на охоту?

А Ли одобрительно погладил его по голове:

— Да, завтра возьму тебя.

Хуа Чжаошуй все еще был в восторге, когда А Ли спросил:

— Если бы тот странный человек сказал, что в качестве вознаграждения за помощь ему нужен ребенок, как ты думаешь, мы должны были бы отдать его?

Хуа Чжаошуй задумался и сказал:

— Если он действительно помог, то просить вознаграждение — это нормально. Но... зачем ему ребенок?

А Ли обнял его за плечи и спросил:

— Не знаю. Если бы ты был тем ребенком, что бы ты сделал?

Хуа Чжаошуй улыбнулся и с наивностью в голосе ответил:

— Если бы он хотел убить кого-то, я бы взял новый лук, который ты мне сделал, заточил две стрелы и убил бы его.

В кабинете старейшины горели свечи всю ночь, а на следующее утро он снова собрал всех для обсуждения. Но, как ни крути, обещание нужно было выполнить, и в храме воцарилась тишина.

Слуга подошел к старейшине, чтобы закурить его трубку. Старейшина постучал трубкой по столу, выпустил клуб дыма и, глядя на собравшихся, медленно произнес:

— Что вы думаете по этому поводу?

Кто-то крикнул:

— Мы уже целое утро говорим! Согласен ли этот колдун изменить условия?

Мин Си вышла вперед и сказала:

— Мы уже обсуждали это. Он не согласен.

— Тогда что тут еще обсуждать! Спросите, кто готов пожертвовать своим ребенком! Кто может быть настолько самоотверженным!

Мин Си посмотрела на старейшину, а затем, повернувшись к собравшимся, сказала:

— Старейшина уже говорил, что тот обладает искусством общения с духами и знает, что кто-то изменил дату рождения. Сегодня на рассвете он снова прислал письмо, в котором требует, чтобы ребенок был отправлен в западный пригород в течение десяти дней. В противном случае...

Она замолчала, на мгновение взглянув на А Ли, и продолжила:

— В противном случае, он снова выпустит демонов, которые будут вырезать сердца.

Эти слова вызвали бурю негодования. Многие уже подозревали, что этот странный человек и был тем, кто создал демонов, и теперь их подозрения только усилились. Но все боялись повторения тех ужасных событий, и споры продолжались долгое время.

Обсуждение длилось весь день, но к консенсусу так и не пришли. Некоторые надеялись, что, если тянуть время, колдун забудет об этом. Но на следующий день начали пропадать дети. Каждый день исчезал один ребенок. Когда до истечения десяти дней осталось совсем немного, люди сами собрались в храме. Родители пропавших детей рыдали, а те, у кого были дети, жили в страхе.

На этот раз старейшина даже не появился, а только послал слугу передать сообщение:

— Тот, кто изменил дату рождения ребенка, знает, кто он. Колдун сказал, что если его требование не будет выполнено, каждый день в деревне будет пропадать один ребенок.

Сказав это, слуга ушел, не дав никому возможности возразить.

Среди собравшихся снова начался шум. А Ли незаметно прошел сквозь толпу, вышел из храма и направился к пруду, где его уже ждала Мин Си. Он подошел к ней и сказал:

— Я как раз хотел поговорить с тобой.

Мин Си взглянула на него и тихо вздохнула:

— Прости, я больше ничего не могу сделать.

А Ли спокойно ответил:

— Не извиняйся. Ты уже много сделала. Я расскажу ему, и пусть он сам решит.

— Пусть он сам решит? — Мин Си смотрела на него с недоверием. — Какое тут может быть решение?

А Ли улыбнулся:

— Если он не захочет идти, то Янь-нян увезет его, а я сам отправлюсь в западный пригород, чтобы встретиться с этим человеком. Если он не боится, то пойдет сам.

Мин Си была поражена его словами. Она долго молчала, а затем сказала:

— Ты отправляешь его на верную смерть. Ты можешь с этим смириться?

А Ли положил руку на колчан со стрелами:

— Он не захочет, чтобы из-за него гибли другие, и он не боится. Он мой сын, и я знаю это.

Мин Си не нашла слов, только вздохнула.

А Ли вернулся домой, но на заднем дворе не было никого. Зайдя в дом, он услышал, как Янь-нян плачет. Их ребенок, который никогда не знал наказаний, стоял на коленях рядом с матерью, опустив голову.

— Почему ты на коленях?

Услышав его голос, Янь-нян подняла голову, слезы еще текли по ее лицу. Она с гневом сказала:

— Ему и нужно быть на коленях! Это ты его так научил!

Затем она посмотрела на Хуа Чжаошуй и крикнула:

— Ты думаешь, что ты герой? Что ты бессмертный? Как ты можешь так говорить!

А Ли понял, в чем дело, но не стал вмешиваться. Он сел и, глядя на сына, сказал:

— Ты все знаешь.

Хуа Чжаошуй кивнул, с опаской посмотрел на мать и медленно сказал:

— Только я родился в седьмой день седьмого месяца в третью четверть часа Цзы. Этот человек

хочет меня. Если я не пойду, погибнет больше людей.

Янь-нян снова заплакала, смешивая гнев и печаль:

— Но у меня только один сын! Если ты уйдешь, что будет со мной? Ты такой добрый, такой великодушный! Ты просто герой!

Хуа Чжаошуй растерялся и смотрел на отца, не зная, что сказать. А Ли взял руку Янь-нян и сказал:

— Не плачь. Возможно, он не погибнет.

Янь-нян рассердилась еще больше, резко отдернула руку и сказала:

— Что ты говоришь? Это твой сын, но он и мой тоже! Я не согласна!

А Ли слегка кашлянул и сказал:

— Неважно, согласна ты или нет. Сначала позволь ему встать. Сколько ты его уже держишь на коленях? Его спина уже согнулась.

Янь-нян немного успокоилась, посмотрела на него и сказала:

— Я его не заставляла. Вставай, не хочешь ли ты стать калекой, чтобы меня рассердить?

Хуа Чжаошуй с трудом поднялся и, поддерживая мать, сказал:

— Мама, не сердись.

Янь-нян погладила его руку:

— Вы оба заодно, чтобы меня расстроить. Ты действительно должен идти?

Хуа Чжаошуй украдкой посмотрел на отца и мягко сказал:

— Мама, этот человек не сказал, что хочет меня убить. Может, он не причинит мне вреда. Я обещаю, что вернусь к тебе живым.

Янь-нян молчала, и А Ли заговорил первым:

— Всего за несколько дней пропало несколько детей. Если мы спрячем его, даже если он сможет избежать техник колдуна, его совесть будет мучить его. Сейчас исчезают только дети, но следующий шаг может быть таким же кровавым, как и раньше.

Янь-нян не могла больше говорить, сердце ее разрывалось.

Когда подошли десять дней, Хуа Чжаошуй, как и обещал, взял новый лук, сделанный А Ли, и отправился в путь. В западном пригороде трава росла по пояс, и Мин Си с несколькими односельчанами проводила его. А Ли мог проводить его только до границы западного пригорода, где и остановился.